О НАГАЙЦАХЪ

КОЧУЮЩИХЪ

ПО КИЗЛЯРСКОЙ СТЕПИ.

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Сочиненіе путешествовавшаго по Россіи съ 1824-го по 1835-й годъ

Андрея Павлова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Внѣшней Торговли.

—

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 Ноября 1841 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

Отблагодаривъ въ Кизлярѣ пріятелей за ихъ гостепріимство, предпринялъ я путешествіе къ Нагайцамъ. Проѣхавши сухобороздинскую почтовую станцію, въ 17-ти верстахъ отъ города отстоящую, на второй аджихановской выкормилъ бодраго азіятскаго коня и желалъ пуститься въ предлежащій путь; но узнавши отъ станціоннаго смотрителя, что степныя дороги, ведущія въ аулы, не имѣютъ никакихъ признаковъ и по направленію своему разносторонны, рѣшился по совѣту его ѣхать съ молодымъ татариномъ, возвращавшимся изъ города къ родственникамъ. Пріятно было видѣть съ какимъ вниманіемъ разсматривалъ меня мой спутникъ. Онъ съ простодушіемъ смѣялся покрою моего фрака, лакированнымъ сапогамъ и даже круглой чернаго цвѣта шляпѣ; показывая на свою одежду, въ отношеніи верховой ѣзды отдавалъ ей преимущество и говорилъ: эта *якши*, а указывая на мое платье твердилъ мнѣ безпрестанно *еманъ*. (Я зналъ, что якши значитъ хорошо, а еманъ худо). Простосердечный Али

совѣтовалъ мнѣ перемѣнить Европейскій костюмъ на Азіятскій. Я охотно согласился на его предложеніе, приказалъ ему остановиться, и слѣзши съ коня, въ 5-ть минутъ, преобразился въ Черкеса. Удивленный этою перемѣною проводникъ запрыгалъ отъ радости, бросился ко мнѣ на шею, обнималъ меня, какъ брата, и увѣрялъ, что онъ вездѣ и во всякое время готовъ оказывать мнѣ свои услуги. Этотъ добрый сынъ природы, щедро осыпая меня своими ласками невольно прогонялъ мою скуку и часто заставлялъ забывать, что я среди степи, гдѣ всякой предметъ наводитъ одно только уныніе. Не прошло еще 2-хъ часовъ, какъ спутникъ мой съ восхищеніемъ вскричалъ: ну, добрый господинъ! Мы скоро доѣдемъ до нашего аула. До него не болѣе, какъ верстъ 10-ть. Тамъ ты увидишь добрыхъ моихъ родителей. Они тебя полюбятъ и ты навсегда будешь нашъ кунакъ (*). Послѣ этаго увѣренія поскакали мы во весь опоръ и чрезъ три четверти часа увидѣли вдали при одномъ курганѣ кибитокъ до 50-ти.

Лай злыхъ собакъ, сбѣжавшихся со всего аула предвѣщалъ намъ нападеніе ихъ, но при подъѣздѣ къ кибиткѣ одно слово проводника остановило стремленіе разъя-

(*) Кунакъ, Татарское слово, на русскомъ значитъ: пріятель, другъ.

ренныхъ псовъ. Вдругъ выбѣжалъ къ намъ изъ маленькаго отверстія кибитки татарчонокъ, лѣтъ 12-ти, мальчикъ живой, рѣзвой, проворной. Онъ взялъ подъ уздцы нашихъ коней, и указывая на свое переѣздное жилище, сказалъ намъ учтиво: милости просимъ, добрые гости! войдите, мы рады вамъ! Потомъ отвелъ онъ нашихъ лошадей сажень надесять, разнуздалъ ихъ, стреножилъ и пустилъ пастись. Самъ въ туже минуту прибѣгаетъ въ кибитку, садится возлѣ меня на кошму, съ веселымъ лицемъ разсматриваетъ мое платье, улыбается, дивится и безпрестанно твердитъ: о кунакъ! кунакъ нашъ! Въ то время, я сидѣлъ возлѣ отца али, которой узнавши о пребываніи моемъ въ Кизлярѣ, распрашивалъ меня о моей отчизнѣ. Съ вѣжливостію пожавъ ему руки, началъ я говорить: Любезный старикъ! я путешественникъ, родина моя далеко отсюда. Не слыхалъ ли ты о Малороссійскихъ козакахъ, которые и до сихъ поръ имѣютъ это названіе. Они живутъ на Деснѣ, Сулѣ и Днѣпрѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ выслушалъ меня семидесятилѣтній старецъ и съ изумленіемъ отвѣчалъ: Какъ! ты козакъ! О, я самъ съ козаками былъ въ походѣ, я самъ уставлялъ свою грудь противу француза. Скажи намъ, добрый гость, помнятъ ли они насъ? помнятъ ли, какъ мы

сражались за добраго нашего Русскаго Царя? При этихъ словахъ сердце мое затрепетало отъ радости. Я отъ души благодарилъ азіята за его пламенную любовь къ Нашему Царю, и съ восторгомъ сказалъ ему: Другъ мой! сдѣлай одолженіе, разскажи мнѣ, когда и въ какихъ мѣстахъ сражался ты съ французами?

О, съ охотою, купакъ! съ охотою! отвѣчалъ татаринъ. Не припомню только въ которомъ году, но знаю, что до байрама (*). Въ это время всѣ птицы съ вашего края слѣтаютъ къ морскимъ заливамъ. Пріѣхалъ въ нашу орду изъ Георгіевска полковникъ и съ нимъ главный приставъ. Они объявили намъ указъ Государевъ. Толмачь перевелъ его, и мы узнали, что какой то Наполеонъ съ большею арміею подступалъ уже къ Москвѣ. Въ одну недѣлю собралось съ нашего аула, а цѣлой орды до 500 человѣкъ. Мы подѣлали пики, накупили въ Кизлярѣ горскихъ ружей, кинжаловъ, шашекъ, и подъ предводительствомъ нашего Эсаула Абукера двинулись къ столицѣ. Походъ нашъ продолжался не болѣе трехъ недѣль. Когда мы пріѣхали къ вашему обширному граду, то остановились близь таганской заставы, въ маленькомъ русскомъ селеніи; соединились

(*) Байрамъ Татарскій праздникъ. Его магометане празднуютъ всегда въ осеннее время по семи дней.

съ Донскими козаками и не пропускали непріятелю ни фуража, ни съѣстныхъ припасовъ.—Ахъ! если бы ты видѣлъ, какъ мы рубили шашками, кололи кинжалами, пиками а на арканъ подхватывали Баварцевъ, Виртемберцовъ, Французовъ, Пруссаковъ, Австрійцевъ, то подивился бы нашей ловкости, нашему проворству и удальству. Самъ начальникъ нашъ Матвѣй Иванычь, какъ бишь фамилія его? да, Платовъ, самъ вездѣ дѣйствовалъ съ нами, гналъ и преслѣдовалъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Не умѣю тебѣ сказать, какого это по вашему мѣсяца, только твердо знаю, что наступилъ ужасный холодъ какого въ нашемъ краю не бываетъ никогда. Вся армія этого Наполеона выступила въ ретираду. Начальники наши посылали насъ впередъ его корпуса, протянувшагося верстъ на 5-ть. Мы всегда опереживали его. Пріѣхавши въ селенія созывали русскихъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ; понуждали ихъ выѣзжать изъ деревень въ лѣса, забирать съ собою всѣ жизненные припасы: муку, сѣно, овесъ, а остатки по невозможности забрать сжигать на мѣстѣ, словомъ сказать: не оставлять непріятелямъ въ добычу ни одной крошки, ни одного зерна, ни одной былинки. Любо бы было тебѣ посмотрѣть, какъ пѣхота и конница его томилась голодомъ на стоян-

кахъ. Многіе кавалеристы падали съ лошадей своихъ, а кони ихъ издыхали. Въ селахъ, деревняхъ, не только русскіе мужики, но и бабы побивали колотушками эту проклятую саранчу. Слушая этотъ разсказъ, я чистосердечно засмѣялся, въ особенности тому, что татарину трудно было выговаривать чисто русское нарѣчіе. Тебѣ, кунакъ, смѣшно, сказалъ онъ мнѣ, возвысивши свой голосъ, а каково то было имъ! Ахъ тяжко! очень тяжко! Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я старому воину; но кто ихъ просилъ заходить въ нашъ край? И то правда, кунакъ, мнѣ и Маіоръ нашъ говорилъ, что всѣ они были незваные гости. Но благодаримъ Аллу, онъ пособилъ намъ выпроводить ихъ изъ Россіи. До самаго Парижа, мы гнали ихъ, какъ овецъ. Я и товарищи мои получили награду отъ добраго нашего Государя; съ честію мы возвратились въ нашъ аулъ и всегда готовы на Царскую службу.

Старикъ замѣтивъ, что разсказъ его привелъ меня въ необыкновенное восхищеніе, показалъ мнѣ знаки своего отличія; нѣсколько минутъ я любовался ими, хвалилъ его за сбереженіе ихъ, и въ знакъ признательности къ его заслугамъ, подарилъ ему для поклажи ихъ маленькой сафьяный ящичекъ.

Эту бездѣлушку принялъ онъ отъ меня съ такою радостію, что обѣщался хранить ее до конца жизни. Между тѣмъ старшій сынъ его подалъ намъ калмыцкій чай, а дочь возлѣ тагана постлала для меня полотенцо, вмѣсто скатерти, и поставила на немъ въ чашечкѣ жареную на шышлыкѣ баранину. Минами хозяйка просила меня отобѣдать, а старикъ безпрестанно подтверждалъ: ну, кунакъ, принимайся, это кушанье здоровое; извини, что у насъ нѣтъ хлѣба; тебѣ извѣстно, что мы ведемъ кочевую жизнь, не сѣемъ, не оремъ и не пашемъ; все наше богатство состоитъ въ тучныхъ стадахъ; мясомъ ихъ и молокомъ, мы пропитываемъ наши семейства, а шкуры ихъ служатъ намъ защитою отъ холода; жилища наши подобны стихіямъ и всегда непостоянны. Мы переселяемся туда, гдѣ для нашихъ овецъ, рогатаго скота и табуновъ есть много лучшей травы. Благодаримъ Аллу, онъ все намъ далъ хорошее для жизни. Я видѣлъ ваши грады, великолѣпныя торжества, изобиліе въ припасахъ, драгоцѣнныя убранства на женщинахъ, но скажу тебѣ смѣло, не промѣняю своего жилища на ваше богатство. Здѣсь я живу спокойно; мимо моей кибитки не слышно каретнаго шуму, ни звонкаго голоса кучера, остерегающаго пѣшихъ отъ быстронесущихся коней.

Въ простотѣ сердца, ощущаю я съ семействомъ моимъ мирную и утѣшительную жизнь.

Старикъ окончивши свою рѣчь, возбудилъ во мнѣ зависть къ его счастливому состоянію. Я вздохнулъ, улыбкою оправдалъ его мнѣніе и началъ раздѣлять съ нимъ вкусную и сытную яству; маленькія дѣти его вертѣлись около меня ежеминутно, то хватали меня за черкеску, то смѣючись говорили: о кунакъ нашъ! кунакъ! Мы тебя полюбили, ты похожъ на нашего брата. Въ ту же минуту, я вынулъ изъ кармана кошелекъ и подарилъ имъ по маленькой серебреной монетѣ. Какое удовольствіе примѣтно было на лицѣ отца ихъ, матери и милыхъ простосердечныхъ малютокъ, которые отъ радости бросившись ко мнѣ на шею обнимали меня ручонками своими, и въ этомъ восторгѣ, побѣжали съ старшимъ братомъ за покупкою гостинцевъ.

Весь вечеръ провелъ я съ старикомъ въ пріятныхъ разговорахъ, а послѣ ужина, въ кибиткѣ его на кошмѣ, укутувшись въ мерлушчитый тулупъ уснулъ спокойно. Вставши въ 6-ть часовъ утра, подала мнѣ хозяйка для умыванья кувшинъ съ холодною водою, чистое полотенцо и предложила выти изъ кибитки на свѣжій воздухъ. Возлѣ которой, мужъ ея, съ поджатыми

ногами, на постланомъ коврѣ, приподнявши вверхъ руки благоговѣлъ предъ провидѣніемъ, ниспосылающимъ ему и его семейству обильные свои дары. Я стараясь примѣниться къ ихъ обыкновенію, перешелъ на другую сторону шатра, и умывшись, въ безмолвіи тихими шагами возвратился на свое мѣсто. Въ этомъ уединеніи успѣлъ вычитать утреннія молитвы. Чрезъ полчаса пришелъ ко мнѣ мой хозяинъ; мы выпили съ нимъ по двѣ чашки калмыцкаго чаю и отправились по общему желанію посмотрѣть конской его табунъ, стада: рогатаго скота и овецъ.

Проѣхавши не болѣе 5-ти верстъ, подъѣхали мы къ большему кургану, возлѣ котораго внизу, въ глубокой долинѣ, на подобіе прорытой канавы, накопившаяся дождевая вода, не имѣвшая своего теченія, непріятнымъ своимъ запахомъ отвращала мое отъ нея обоняніе. Я спросилъ его изъ любопытства, не этою ли водою поятъ они скотину? Точно такъ, сказалъ со вздохомъ старикъ. Наши степи не имѣютъ ни протоковъ рѣчныхъ, ни озеръ, исключая рѣки Кумы и приморскихъ заливовъ съ западной стороны Каспійскаго моря, возлѣ которыхъ многіе аулы кочуютъ только въ зимнее время; но въ лѣтнее всю скотину и и табуны отъ сильныхъ комаровъ и слѣп-

ней въ камышахъ находящихся, спасаютъ между этихъ бугровъ, прохлаждающихся сѣверными вѣтрами. Здѣсь не хороша вода, это правда; но за то и скотина непретерпѣваетъ никакихъ мученій, жестоко поражающихъ ее въ тѣхъ мѣстахъ. Она гораздо отъ того здоровѣе и тучнѣе, когда не нападаютъ на нее эти насѣкомыя. Съ пріятностію мы любуемся и сердечно радуемся, если она наслаждается спокойствіемъ.

Впродолженіе этого разговора, подъѣхали мы къ тучнымъ, сытнымъ и довольно красивымъ стадамъ, составляющимъ богатство цѣлаго аула.

На довольно значительномъ пространствѣ мѣста, полагая примѣрно въ окружности двухъ верстъ къ 50-ти кибиткамъ принадлежало: тысячь до семи конскаго табуна, до 10 ти рогатаго скота и болѣе 20-ти тысячь овецъ къ курдюками. Я обратилъ прежде всего вниманіе на ихъ коневодство. Лошади у нихъ довольно рослы и различной шерсти: сѣрой, каштановой, красной и темнорыжей, рѣдко бурой; статны и способны болѣе для верховой и аробной ѣзды; дики до чрезмѣрности; никакой Европѣецъ, не знавши ихъ обыкновенія, даже съ арканомъ, даннымъ отъ татарина, не въ состояніи поймать ее, а бо-

лѣе всего остановить на немъ, надѣть недоуздокъ или узду и въ случаѣ надобности довести ее до аула. Что бы удостовѣриться въ этомъ, надобно быть личнымъ свидѣтелемъ, какъ искусно табунщики ловятъ ихъ на аркань и какія употребляютъ мѣры для обхожденія съ ними. Они по свисту сгоняютъ ихъ на верховой лошади сперва въ кучу; въ тѣсномъ ихъ скопленіи набрасываютъ на ту лошадь, которую хотятъ поймать петлю изъ семи, а иногда восьмисаженной консковолосяной веревки, привязанной къ таракамъ (*) сѣдла и потомъ постепенно подъѣзжаютъ къ ней, подтаскивая по немногу къ себѣ веревку, которую сматываютъ они одною рукою въ кружокъ, а другою поддерживая узду лошади, поворачиваютъ ее ногами въ разныя стороны, по своему произволу. Привычка эта и умѣнье пріобрѣтается ими опытностію съ самаго дѣтства.

Надобно замѣтить, что во всякомъ табунѣ есть и такія лошади, съ которыми трудно управляются и сами табунщики. Но въ такомъ случаѣ они предусмотрительны и упрямыхъ или своенравныхъ заранѣе стреноживаютъ, отъ чего всякая изъ нихъ

(*) Слово тараки татарское. Это тонкіе рѣмни, вдѣтые въ арчакъ и висящіе по обѣимъ сторонамъ сѣдла, для подвлаки мѣшечковъ, съ разною мѣлочною кладжею.

не столько дичится и бываетъ послушнѣе своему надзирателю. Класть жеребцовъ также они искусны; великіе мастера, въ случаѣ падежа содрать съ лошади шкуру съ хвостомъ, употребить ее на продажу, а иногда, безъ излишней выдѣлки на шитье кафтана, шараваръ и сапоговъ. Кобылицы ихъ приносятъ имъ ощутительную пользу. Изключая обыкновенное размноженіе коневодства, молоко ихъ употребляютъ они въ пищу и называютъ его кумысомъ (*). Тщательно сохраняютъ этотъ напитокъ, почитая его нектаромъ и подчиваютъ имъ всегда пріѣзжихъ къ нимъ гостей (кунаковъ).

Относительно скотоводства, ихъ рогатый скотъ можетъ почесться лучшимъ противу Великороссійскаго, изключая холмогорскаго, мясо вкусное и даже въ сравненіи съ другимъ легче для желудка (**). Но тата-

(*) Изъ этаго кумыса выгоняютъ они вино, которое крѣпостію своею много уступаетъ хлѣбному.

(**) Я дѣлалъ опытъ надъ бычачиною. Скипятивши воду въ маленькомъ казанѣ, бросилъ я въ него два фунта говядины и чрезъ четверть часа по наблюденію моему замѣтилъ, что она уже сварилась; изъ этого я заключилъ, что она мягче противу Европейско-россійской и подвергнулъ сырую другому испытанію; вымочилъ такую же препорцію въ водѣ и чрезъ сутки увидѣлъ, что говядина дала болѣе крови, нежели сколько даетъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ; слѣдовательно малокровная крѣпче къ развару и тягостнѣе на желудкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что подножный зеленый кормъ дѣлаетъ скотину въ этихъ мѣстахъ жирнѣе, полнокровнѣе, а мясо ея легче для желудка.

ры рѣдко употребляютъ въ кушанье говядину, а охотники до баранины.

Овцы ихъ съ курдюками, изъ каждаго они вытапливаютъ чистаго сала до 30-ти фунтовъ. Шерсть на нихъ довольно легкая и способная на разныя издѣлія; изъ овчинъ выдѣлываютъ они для зимняго времени довольно хорошіе и теплые тулупы, а преимущественно изъ черныхъ мерлушекъ (шкуръ ягнячьихъ), но самую малую часть изъ сѣрыхъ (коими изобилуетъ Крымъ). Вещи эти на самомъ мѣстѣ не имѣютъ выгодной цѣнности. Лучшій овчинный тулупъ, во весь ростъ человѣка, стоитъ не болѣе 8 рублей мѣди, а мерлушчитый 15 и не свыше 16-ти. Любопытнѣе же всего видѣть, какъ они выдѣлываютъ овчинки и мерлушки. Когда я возвратился съ татариномъ въ аулъ и расположился по приглашенію его погостить у него дня три, то лично видѣлъ занятія, относительно выдѣлки ихъ.

Снявши шкуры острымъ Азіятскимъ ножемъ съ зарѣзаннаго барана, овцы или ягненка, они на особыхъ дощечкахъ растягиваютъ ихъ и прибиваютъ гвоздочками по краямъ; въ ясную погоду лѣтомъ и осенью сушатъ на солнцѣ, и когда желаютъ, чтобы выдѣлка была лучшая, недопускаютъ до того, чтобы шкуры слишкомъ

много засыхали; напослѣдокъ кладутъ ихъ въ маленькія кадочки, налитыя водою съ солью (тузлукомъ). Въ продолженіе нѣсколькихъ дней этотъ составъ сдѣлаетъ шкуры мягче; въ то время высушиваютъ ихъ вторично на дощечкахъ съ обоихъ сторонъ; по высушкѣ обливаютъ кислымъ молокомъ; и когда всѣ эти составы истребятъ съ нихъ жесткость и доведутъ до самой нѣжной мягкости, то съ большаго куска мѣла накрашиваютъ ножемъ на каждую небольшое количество, мнутъ въ рукахъ, а по провѣкѣ выдѣланныя продаютъ за дешевую цѣну на самомъ мѣстѣ пріѣзжающимъ изъ Астрахани русскимъ купцамъ, а по большей части торгующимъ въ ихъ аулахъ лавошникамъ (*); иные шьютъ изъ нихъ тулупы и шапочки на продажу и для своего семейства. Они по привычкѣ своей ходятъ въ нихъ не только зимою, но даже лѣтомъ, увѣряя, что носимая на головѣ шапка недопускаетъ жаръ проникать въ нее. Опытомъ позналъ я эту истину и носивши папахъ никогда не чувствовалъ отъ него головной боли, какую до того времени, терпѣлъ отъ пуховой шляпы.

Овчинную шерсть употребляютъ Татары на кошмы или иначе сказать полости. Ва-

(*) Лавошники изъ Русскихъ, Армянъ и Татаръ продаютъ свои товары въ кибиткахъ, въ каждомъ почти ауле.

леныя эти кошмы довольно мягки, но грубоваты только тѣ, для валки коихъ не стараются они вычищать шерсть; всѣ полости служатъ имъ вмѣсто постелей, на покрышу кибитокъ и на сдѣланіе подсѣдельниковъ. На кибитки употребляютъ они толстыя и довольно плотныя кошмы такъ, что проливной дождь никогда не пробиваетъ сквозь ихъ и не подмачиваетъ имуществъ.

О количествѣ земли, занимаемой Нагайцами, нѣтъ достовѣрныхъ свѣденій потому, что степь принадлежащая имъ не размежевана на участки. Соображаясь съ Географическою картою, предположительно можно сказать, что отъ западной стороны Каспійскаго моря до границы бывшаго Георгіевскаго уѣзда длина ея простирается на 400 верстъ, а отъ козачьихъ станицъ, лежащихъ на Кавказской линіи до рѣки Кумы, на 200. Во всей ордѣ считаютъ до 10-ти тысячь кибитокъ, въ которыхъ близь 60-ти тысячь душъ обоего пола. Во многихъ мѣстахъ степь, по которой они кочуютъ, покрыта солончаками, полынью и зеленою травою, пресытительною для пропитанія рогатаго скота, овецъ и конскихъ табуновъ.

Желая опредѣлить съ точностію каждый предметъ, соотвѣтственно роду его и

свойству, я дамъ сперва понятіе о устройствѣ ихъ кибитокъ.

Она имѣетъ основаніе свое на складныхъ деревянныхъ клѣтяхъ, утвержденныхъ на ремнѣ съ обоихъ сторонъ петлями; когда нужно устроить ее, сперва разставятъ эти клѣти кругообразно по мѣрѣ ихъ величины и обложатъ кошмами сообразно вышинѣ и ширинѣ ихъ; къ вершинѣ прикрѣпятъ полукруглую клѣть, имѣющую вверху отверзстіе, на подобіе проведеннаго изъ трубы канала; весь клѣтчатый верхъ обкладываютъ они также кошмами, при концѣ коихъ висячія веревки служатъ имъ для поправленія ихъ и вытягиванія въ ровность. Съ одной стороны кибитки отверзтіе, оставленное для входа и выхода живущаго въ немъ семейства, занавѣшивается полостью. Она замѣняетъ домашнюю дверь.

Когда стада рогатаго скота, овецъ и конскіе табуны, близь аула, или въ отдаленности находящіеся, потравятъ подножный кормъ, тогда Нагайцы посылаютъ нарочитыхъ ѣздоковъ для отысканія лучшихъ пастбищныхъ мѣстъ, а для кочевья особаго мѣста, имѣющаго вырытыя глубокія ямы, напоенныя водою изъ источниковъ земныхъ. По извѣщеніи жителей аула, они приступаютъ къ переѣзду и начинаютъ его слѣдующимъ об-

разомъ: Стащивши кошмы съ кибитокъ положутъ ихъ на арбы; верхъ кошемъ покроютъ клѣтями, въ одной сторонѣ поставятъ на нихъ таганы, котлы, а на другой покладутъ тулупы, овчины, мерлушки, всю конскую сбрую, разную одежду и огнестрѣльныя орудія; напослѣдокъ запрягутъ въ каждую арбу лошадь и цѣлымъ караваномъ отправятся въ путь. Тѣ Нагайцы, которые имѣютъ верблюдовъ и богаче другихъ, взваливаютъ свой багажъ и домашнюю рухлядь на высокорослаго, терпѣливаго и шагистаго животнаго. Оно по своему характеру и привычкамъ довольно занимательно. Многіе Европейцы видѣли его въ Великороссійскихъ губерніяхъ, но я увѣренъ, что основный его характеръ многимъ неизвѣстенъ. Надобно жить въ аулахъ, наблюдать и даже распрашивать знатоковъ, ухаживающихъ за ними съ самаго появленія ихъ на свѣтъ.

Многіе Нагайцы имѣютъ верблюдовъ по небольшему количеству отъ 5 и до 30 головъ. Фигура ихъ, величина и походка многимъ извѣстны. Тяжести они поднимаютъ соразмѣрно ихъ лѣтамъ и силамъ. Возмужалый и укрѣпившійся въ подъемѣ на себя большихъ тяжестей смѣло поднимаетъ и перевозитъ до 120-ти пудъ. Многимъ покажется невѣроятнымъ, что бы

животное, питающееся однимъ подножнымъ кормомъ могло безъ обремененія силъ и даже ропота, въ теченіи 6-ти часовъ (*) проѣхать съ такою клажею до 90 верстъ. Но сильный и терпѣливый верблюдъ, для повиновенія коего съ дѣтства еще продѣта въ ноздрю его, а иногда и въ обѣ, конско-волосяная веревка, по первому Нагайца порыву преклоняетъ съ ревомъ высокія и гибкія свои колѣна на землю; въ это время кладутъ на него разнаго рода поклажи до означеннаго вѣса; и когда нужно ему привстать, то два человѣка съ подложеннымъ подъ животъ его рычагомъ поднимаютъ его, или лучше сказать даютъ возможность приподняться.

Во время беременности самки, самецъ, какъ вѣрный, постоянный и неизмѣнный другъ, неспускаетъ ее съ глазъ. Онъ никакого человѣка, изключая хозяина, не подпуститъ въ это время къ ней близко. Тотъ же энтузіазмъ, гнѣвъ, лютость и бореніе страстей происходятъ съ ними во время рожденія дѣтей самкою до юношескаго ихъ возраста. Чтожъ они сдѣлаютъ съ неразсудительнымъ смѣльчакомъ, безбоязненно

(*) Извѣстно, что лошадь съ возомъ въ часъ переѣзжаетъ 5 верстъ, а въ теченіе 6-ти, 30; а какъ верблюжій шагъ втрое болѣе лошадинаго, такъ въ 6 часовъ перейдетъ онъ 90.

подошедшимъ къ нимъ близко? Рѣшительно искусаютъ его и изгрызутъ до смерти.

Верблюжью шерсть въ значительномъ количествѣ собираютъ Нагайцы тогда, когда верблюды линяютъ. Это бываетъ съ ними не ежегодно, а иногда въ 3 года по 1-му разу, и по большей части съ молодыми, нежели съ застарѣлыми. Я лично видѣлъ возлѣ пасущихся верблюжьихъ стадъ на степи столько шерсти, что невольнымъ образомъ подумалъ, не сбиваетъ ли ее кто съ нихъ нарочито? Но хозяева тщательно собираютъ ее и передаютъ въ употребленіе женщинамъ, приготовляющимъ для зимняго времени теплую обувь, а болѣе валеные кафтаны (зипуны), которые носятъ оба пола съ мягкими, на подобіе пуха шараварами.

Степныя ихъ дороги не могутъ почесться худыми потому, что песчаная земля недопускаетъ существовать на нихъ грязи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ солончаки съ глинистою поверхностію, а въ маломъ количествѣ черноземъ, прилегающій къ владѣніямъ линейныхъ козаковъ, отвращаетъ неудобство переѣздовъ, словомъ сказать: онѣ и въ сильные дожди всегда сухи, ровны, не бойки; имѣютъ слѣды аробныхъ колесъ и гораздо шире, противу Европейскихъ,

кромѣ шоссе. Наименованія ихъ на Татарскомъ языкѣ различны, а по приходу каравановъ къ главнымъ курганамъ въ направленіяхъ своихъ чрезмѣрно сбивчивы. Изслѣдованіе о собственныхъ значеніяхъ этихъ дорогъ необходимо нужно Историку, желающему чрезъ нихъ открыть близкія соотношенія первообитавшихъ на степи разноплеменныхъ народовъ, но занимающемуся Статистикою не должно обсуживать предметы, отдаленные отъ насъ вѣками. Я скажу только то, что всѣ названія бугровъ, кургановъ не заключаютъ въ себѣ таинственности, а начало свое получили отъ мѣстныхъ выгодъ, повѣрій и собственныхъ именъ владѣльцевъ. Это очевидно изъ названія почтовыхъ станцій, существующихъ отъ Кизляра до Астрахани. Возьмемъ въ примѣръ Аджихановскую. Названіе ея состоитъ изъ двухъ Татарскихъ именъ собственнаго *аджи* и нарицательнаго *хана*, т. е. Князя, Короля или Императора; колпичья получила названіе свое отъ колпиковъ, находящихся въ большемъ количествѣ внизу той станціи на морскомъ заливѣ, называемомъ татарами озеромъ. Тараканбугорская отъ татарскаго слова тараки потому, что бугоръ напротивъ ея находящійся похожъ на вязки сѣдельныя, но простолюдины производятъ это

названіе отъ слова тараканъ, полагая бугоръ сей жилищемъ таракановъ. Въ этомъ случаѣ надобно извинить слабоуміе людей, непостигающихъ первоначальныхъ причинъ, отъ которыхъ составились въ народѣ имена разнаго рода вещей и предметовъ.

Нагайцы Магометанскаго вѣроисповѣданія. Чтутъ Алкоранъ, какъ Турки и всѣ вообще Магометане. Немногимъ извѣстны основанія ихъ Религіи, а еще менѣе обряды Богослуженія, а потому я дамъ сперва понятіе о существѣ Алкорана.

Онъ основанъ на нравственныхъ правилахъ, примѣненныхъ къ образу жизни и главному характеру Аравитянъ. Почитаемый ими Пророкъ зналъ страсти покореннаго народа, а потому и вдохнулъ имъ ученіе фанатизма. Презирать Христіанъ, гнушаться ихъ вѣроисповѣданіемъ, почитать Пророка, какъ исполнителя воли Божіей— есть заповѣдныя правила, собранныя дальновиднымъ политикомъ для закоснѣлаго въ невѣжествѣ и грубыхъ предразсудкахъ народа, стремившагося къ завоеваніямъ. Ученіе, распространившееся на востокѣ, постепенно перешло къ другимъ поколѣніямъ. Оно не измѣнилось въ существованіи своемъ и имѣетъ сильное вліяніе на умы самостоятельныхъ націй, но въ зависимыхъ отъ Россіи, чрезъ политическія соотношенія и

торговыя связи Христіанъ ослабѣваетъ до такой степени, что порождаетъ въ нѣкоторыхъ татарахъ другой образъ мыслей и другія чувства. Разсмотримъ внимательнѣе догматы ихъ, и повѣримъ, сообразны ли они съ поступками Магометанъ.

Алкоранъ, какъ выше я сказалъ, предписываетъ презирать Христіянъ, но мы видимъ, что нѣкоторые Магометане не только не оказываютъ презрѣнія къ иновѣрцамъ, но почитаютъ за удовольствіе говорить о Христіянскихъ обязанностяхъ и даже вникать въ основанія нашей религіи; слѣдовательно вниманіе ихъ къ нашей вѣрѣ противорѣчитъ чтимой ими книгѣ, вмѣсто нашего Евангелія. Они во многомъ согласны съ ученіемъ Спасителя нашего и даже восхищаются чудесами, сотворившими Богочеловѣкомъ. Хотя малѣйшая часть Нагайцевъ обратилась въ Христіанство, но и тѣ подаютъ собою примѣръ, въ исполненіи церковныхъ обрядовъ и благочестивой жизни. Многіе изъ Магометанъ воздержны отъ порывовъ сладострастія и при значительномъ состояніи, не смотря на позволеніе имѣть у себя семь женъ, довольствуются одною. Неѣсть мяса отъ той скотины, которая убита иновѣрцемъ соблюдаютъ непостоянно. Часто Магометанинъ ѣстъ у Христіанина говядину и баранину съ такимъ

апетитомъ, что не дѣлаетъ никогда распросовъ, кѣмъ именно предано въ жертву животное? но остерегается свинаго сала и свинины; если онъ увидитъ её у пріѣзжаго къ нему въ кибитку, то проситъ положить въ мѣшокъ, привязанный у сѣдла, а когда бываетъ въ гостяхъ у Христіанина, тогда одинъ запахъ ея заставитъ его выйти изъ комнаты. Чтожъ отвращаетъ ихъ отъ этой яствы, употребляемой Европейцами? По ихъ доказательствамъ: нечистоплотность животнаго и страсть его лежать въ болотѣ или грязи; красное вино воспрещаетъ имъ алкоранъ употреблять изъ предосторожности, что бы сей крѣпкій напитокъ неприводилъ Магометанъ въ распутство, могущее отвратить ихъ отъ исполненія семейственныхъ обязанностей.

Обряды ихъ, въ отношеніи Богослуженія, довольно просты. Нагайцы не имѣютъ мечетей, и не всегда замѣняютъ вмѣсто ихъ кибитки. Молитвы свои произносятъ на открытомъ воздухѣ. Каждый изъ нихъ вынесетъ въ лѣтнее время на зеленую траву коверъ, постелетъ его на ней; обмоетъ изъ кушина холодною водою всѣ члены своего тѣла, изключая одной спины, вытрется бѣлымъ полотенцемъ и поджавъ ноги, съ приподнятыми вверхъ руками произноситъ молитвы въ слухъ присоединяя къ каждой: о Алла! о

Алла! т. е. о Боже! о Боже! Но въ чемъ состоятъ эти молитвы? Онѣ основаны на испрошеніи у Бога милостей ему и его семейству, т. е. здравія, обилія травы, плодородія скота, отвращенія язвы и различныхъ болѣзней; что бы божество споспѣшествовало честному его труду, отвратило отъ него злонамѣренные виды людей и даровавъ спокойную и миролюбивую жизнь, при переселеніи души его въ вѣчность предопредѣлило ему рай, жилище душъ чистыхъ и блаженныхъ.

По окончаніи молитвъ возвращается онъ въ кибитку и раздѣляетъ съ дѣтьми своими и женою, приготовленную ею яству. Въ зимнее время совершаетъ этотъ обрядъ внутри своего жилища, иногда съ муллою (ихъ духовнымъ отцемъ), а иногда одинъ и даже безъ постороннихъ людей. Женщины ихъ и дѣвицы молятся за занавѣскою и молитвы произносятъ почти шепотомъ. Эта скромность и благоговѣніе предъ провидѣніемъ въ безмолвномъ уединеніи ихъ заслуживаетъ всеобщую похвалу.

Нагайцамъ дарованы особыя права и преимущества Россійскими Самодержцами. Подъ мудрымъ и кроткимъ правленіемъ Всемилостивѣйшаго Нашего Государя занимаемая ими степь состоитъ въ собственномъ ихъ наслѣдственномъ владѣніи.

Орда, раздѣленная на аулы подъ управленіемъ Главнаго Пристава, опредѣленнаго съ Высочайшаго разрѣшенія Азіятскимъ Департаментомъ, находится подъ непосредственнымъ его завѣдываніемъ. Постоянное его мѣстопребываніе и съ Канцеляріею г. Кизляръ. — Аулами управляютъ Частные Пристава, которые во всѣхъ сомнительныхъ дѣлахъ испрашиваютъ разрѣшенія Главнаго Пристава. Подъ управленіемъ Частныхъ Приставовъ состоятъ тамады (*), т. е. старшины, выбранные по удостоенію того же Пристава, съ согласія Нагайцевъ. Эти тамады часто разрѣшаютъ спорныя дѣла между семействами, опредѣляютъ мѣста для занятія ауловъ и блюдутъ тишину и спокойствіе въ нихъ. Въ случаѣ моровой язвы, болѣзней и скотскаго падежа, съ совѣта Медика, принимаютъ дѣятельныя мѣры къ отвращенію недуговъ, обременительныхъ какъ для нихъ, такъ и для животныхъ, поддерживающихъ ихъ бытъ. Они не поставляютъ натурою рекрутъ, не взносятъ этихъ повинностей, не обложены подушными деньгами, но платятъ за почтовую гоньбу почтосодержате-

---

(*) Въ нѣкоторыхъ аулахъ есть Мурзы Княжескаго происхожденія. Они въ великомъ почтеніи у Нагайцевъ и представители своей націи.

лямъ отъ самаго Кизляра до границы Астраханской губерніи. Окладъ этотъ слишкомъ малозначителенъ и даже не превышаетъ трехъ рублей мѣди съ души.

Нагайцамъ позволено вступать въ службу на правахъ вольноопредѣляющихъ; избирать каждаго рода жизнь, съ согласія только общественнаго; но они, по привязанности къ кочевой жизни, не переходятъ въ другія сословія. Уголовныя ихъ и тяжебныя дѣла предаются по распоряженію Главнаго Пристава законному сужденію Уѣзднаго Суда. Ихъ бываетъ очень мало. Можетъ быть въ пять или шесть лѣтъ одинъ татаринъ, попавшійся въ воровствѣ лошадей, подпадетъ уголовному суду.

Общественный ихъ судъ, зависящій отъ тамадовъ. разбирая распри и несогласія семейственныя или обиды, нанесенныя ближнему, опредѣляетъ наказаніе виновному, соотвѣтственно общепринятымъ ихъ обыкновеніямъ. И по большей части распри эти, обиды, прекращаются миромъ. Пріятно смотрѣть на людей, оказывающихъ почтеніе старшимъ и разрѣшающихъ свои дѣла на взаимномъ другъ другу снисхожденіи.

Главное занятіе Нагайцевъ состоитъ въ размноженіи рогатаго скота, овцеводства и коневодства, но временное, начиная съ

Апрѣля мѣсяца и до первыхъ чиселъ Мая заключается въ перевозкѣ изъ Кизляра до Астрахани сухимъ путемъ около 400 верстъ бочекъ и полубочекъ кизлярской водки; за перевозъ каждой, мѣрою въ 40, 42 и 45 ведеръ (считая двѣ полубочки за одну бочку), получаетъ Нагаецъ по 35 руб. мѣди; въ теченіе одного мѣсяца перевезутъ они болѣе 6000 бочекъ, равняющихся 250,000 ведрамъ. О запасѣ ихъ, употребляемомъ во время путеваго продовольствія, объяснилъ я въ первомъ отдѣленіи на 14-й страницѣ.

Значительную выгоду приобрѣтаютъ Нагайцы отъ продажи Русскимъ купцамъ, Кизлярскимъ и Астраханскимъ жителямъ рогатой скотины, овецъ, лошадей, полостей, верблюжей шерсти, овчинныхъ и мерлушчитыхъ тулуповъ, выдѣланныхъ овчинокъ, мерлушекъ, масла и сыра.

Образъ ихъ кочевой жизни совершенно не похожъ на домашній; въ кибиткѣ нѣтъ печи, нѣтъ никакихъ домашнихъ припасовъ, изключая тагана, на которомъ ставятъ чугунный котелъ, для сварки баранины или калмыцкаго чая и подъ который кладутъ сушеный скотскій (*) калъ, вмѣсто дровъ, имѣющій сильный жаръ и способствующій имъ обогрѣвать себя въ хо-

(*) Его татары называютъ тезекъ.

лодное время; а при наступленіи ночи въ зимнее, посредствомъ закрытія верхняго отверзтія кошмою сдѣлать кибитку довольно теплою. Въ ней все просто, натурально; настланы на землѣ кошмы, на верху которыхъ лежатъ постели и платье въ кованомъ сундучкѣ; вся мелочная деревянная посуда вситъ на клѣтяхъ, привязанныхъ ремнями. Во время обѣда они молчаливы и даже неторопливы въ ѣдѣ. Умѣренны въ употребленіи пищи, чистоплотны и мало пьютъ горячаго вина. Хозяинъ кибитки, наслаждаясь семейственною любовію, не заботится о стяжаніи богатства, подобно другимъ купцамъ, переѣзжающимъ изъ одной страны въ другую, но всегда увѣренъ, что скотинщики, имѣя надобность въ его овцахъ и рогатомъ скотѣ, съ охотою заплатятъ деньги за собственность и въ его непостоянномъ жилищѣ. Вотъ причины, почему они сами не нуждаются пріискивать себѣ покупщиковъ.

Обѣдъ и ужинъ у Нагайца также простой. Вареная баранина и супъ, которой они называютъ щерба, безъ всякой приправы; для вкуса сыплютъ въ него иногда нѣсколько соли, а чаще употребляютъ его и безъ нея. Эготъ народъ неприхотливъ и не изнѣженъ. Онъ безъ хлѣба ѣстъ съ удовольствіемъ сало, вареную ба-

ранину, запиваетъ ее изъ маленькой деревянной чашечки щербою, всегда бываетъ веселъ и доволенъ своимъ состояніемъ; сидитъ съ своими кунаками, родными или дѣтьми около огня, куритъ трубку, разсказываетъ частныя происшествія или арабскія сказки и въ безпечной самодовольственной жизни почитаетъ себя первымъ въ мірѣ счастливцемъ. Два раза въ недѣлю, а иногда и одинъ разъ въ мѣсяцъ поѣдетъ онъ посмотрѣть свое стадо или табунъ, дастъ наставленіе пастуху, какими средствами лечить скотину, овцу или лошадь (*). При возвращеніи въ кибитку къ своему семейству принимаетъ русскихъ покупщиковъ, назначаетъ цѣны своей собственности, приказываетъ изъ стадъ пригонять ее къ кибиткѣ и передаетъ купцамъ, получивъ за нее наличныя деньги. Много есть Нагайцевъ, имѣющихъ довольно значительное состояніе. Я отъ нѣкоторыхъ богачей лично слышалъ отзывы: «Намъ не нужно напря«гать свои силы къ труду; были бы въ «нашихъ стадахъ здоровые быки, жирные «бараны и овцы, а въ конскихъ табунахъ

(*) Нагайцы въ леченіи болѣзней рогатаго скота, овецъ и лошадей не уступаютъ искуснымъ ветеринарамъ. Средства у нихъ простыя: смола, скипидаръ и различныя травы, собираемыя ими на степи.

«сильные жеребцы, то мы всегда будемъ «съ деньгами.» Улыбнувшись ихъ сужденію, я покачалъ головою, и сказалъ самому себѣ: «Не всякому человѣку суждено вести такой «образъ жизни. Для нихъ онъ полезенъ, а «для другаго народа показался бы скуч-«нымъ, а можетъ быть и нестерпимымъ.»

Характеръ кочеваго народа, во всѣхъ отношеніяхъ показываетъ черты благороднѣйшія, основанныя на мужествѣ, храбрости, терпѣніи, человѣколюбіи къ ближнимъ и даже великодушіи. Имѣвши съ ними соотношенія по многимъ дѣламъ, я замѣтилъ въ нихъ примѣрную честность и безкорыстіе, истинно христіанскую обязанность, не смотря на то, что они Магометане. Гнушаясь лести, а соблюдая одно безпристрастіе, я объясню описываемые мною предметы примѣрами.

Мужество и храбрость оказали они въ самыхъ битвахъ, во время преслѣдованія непріятеля изъ Москвы до Парижа. Въ терпѣніи сравнялись они съ Русскими воинами, оказавшими незабвенныя услуги своему отечеству. Ни одинъ изъ сборнаго татарскаго полка татаринъ небылъ штрафованъ и не находился подъ судомъ. Въ службѣ не устрашаютъ его ни голодъ, ни холодъ, ни трудные переѣзды. Онъ охотно борется съ нуждою, предоолѣваетъ всѣ пре-

пятствія къ достиженію предназначенной ему цѣли и съ геройскимъ духомъ торжествуетъ надъ непріятелемъ, ослабѣвающимъ отъ его воинской хитрости. Пресѣчь пути врагу къ снисканію жизненнаго продовольствія, фуража, изнурить его силы и въ слабомъ изнеможеніи изгнать съ лица земли есть дѣло татарина. Практическимъ военнымъ искуствомъ онъ равенъ линейному козаку.

Человѣколюбіе, пріязнь и дружеское расположеніе оказываетъ своему знакомому, пріятелю, другу, страннику въ собственной отчизнѣ. Пріѣзжаете вы къ нему въ аулъ, какъ незнакомецъ, онъ принимаетъ васъ съ привѣтливостію, даетъ первое мѣсто, распрашиваетъ о вашей нуждѣ, удовлетворяетъ ее по возможности, угощаетъ васъ и проситъ, чтобы вы по долѣ у него пожили; оставляя свое занятіе, ѣдетъ по желанію вашему въ то мѣсто, куда вамъ нужно; способствуетъ вашимъ выгодамъ и не взявши съ васъ ни копѣйки, ни за угощеніе ни за услугу, показываетъ предлежащій путь и дѣлается въ дорогѣ хранителемъ васъ, имущества вашего, пожелавъ отъ добраго сердца счастливаго успѣха во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ.

Взявшись за мечь, во время сраженія, онъ врагъ дружбѣ, любви и скупъ на сни-

сходительность. По первому назначенію Командира стремительно нападаетъ на непріятеля, на скаку стрѣляетъ въ него изъ пистоля, рубитъ шашкою, закалываетъ кинжаломъ, колитъ пикою, а всего искуснѣе подхватываетъ на арканъ;—увидѣвши непріятеля, приподнявшаго ружье и цѣлющагося убить его, въ одно мгновеніе и на скаку оборотится на бокъ лошади, а иногда и подъ самое пузо, и какъ скоро пролетитъ мимо его пуля, вскочетъ на лошадь, въ минуту зарядитъ ружье или пистоль и успѣетъ убить своего сопротивника. Попавшійся ему на арканъ непріятельскій кавалеристъ, пѣхотинецъ или артиллеристъ есть неизбѣжная жертва его лютости. Онъ не успѣетъ обрубить петли саблею и въ ту же минуту задыхается на ней. Всё тогда достается въ добычу искусному, ловкому, проворному и изгибистому на конѣ татарскому наѣзднику.

Съ военнопленными поступаютъ снисходительно, и если замѣтятъ, что кормовые деньги недостаточны для ихъ пропитанія снабжаютъ ихъ своимъ провіантомъ и никогда не допускаютъ терпѣть голодъ. Но въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отказываютъ имъ въ продажѣ фуража, они по необходимости переступятъ правила чести. Отыскавши на поляхъ стогъ сѣнный про-

довольствуютъ имъ лошадей, накладутъ на вьючныхъ по вязанкѣ и благополучно отправятся въ свой путь.

Въ отношеніи образованія дѣтей они придерживаются своихъ обыкновеній. У всякаго семьянина мальчики съ 7-ми до 10-ти лѣтъ пріобучены уже къ занятіямъ кочевой ихъ жизни. Они мастера скакать на лошадяхъ, ловить ихъ въ табунѣ; умѣютъ ухаживать въ полѣ за стадами рогатой скотины и овецъ, стричь съ нихъ шерсть; валять вмѣстѣ съ отцемъ, матерью, дѣдомъ, бабкою или дядею полости; выдѣлывать шкуры, мерлушки, шить тулупы и шапочки (*). Многіе Нагайцы учатъ дѣтей арабскому языку и даже писать, но словесностію и прочими науками, кромѣ алкорана и молитвъ, при Богослуженіи читаемыхъ, они вовсе не занимаются.

На предметъ гостепріимства я далъ уже довольно подробное понятіе, но въ похвалу ихъ могу еще присоединить и то, что въ пріемѣ людей извѣстныхъ и неизвѣстныхъ не наблюдаютъ они различія потому, что сердечное ихъ расположеніе къ ближнимъ основано на безкорыстіи. Если нѣтъ у нихъ запасной пищи, то по приказу

(*) Но этими рукодѣліями по большей части занимаются дѣвочки.

старшаго младшій въ семьѣ ѣдетъ къ стаду, ловитъ барана или овцу, связавши привозитъ на лошади къ кибиткѣ, закалываетъ ее и напослѣдокъ раздѣливъ по частямъ готовитъ для посѣтителя кушанье, котораго никогда не отпуститъ безъ угощенія. Вы хотите поблагодарить Нагайца за хлѣбосольство, онъ не принимаетъ отъ васъ никакого подарка или денегъ и говоритъ вамъ отрывисто: что Алла ему за все заплатитъ. Рѣдкое добродушіе! и смѣло можно сказать, что этимъ качествомъ не многіе народы могутъ передъ ними похвалиться.

Въ кругу степныхъ людей, вникая въ ихъ характеръ, я совершенно переродился. Началъ иначе объ нихъ мыслить, разсуждать и даже чувствовать. Какая же непостижимая сила привела меня до такого состоянія, спрашивалъ я себя ежеминутно? И вдругъ пробудилась въ душѣ моей новая мысль. «Ты среди людей добрыхъ, безъ «лести, хитрости, коварства. Вотъ эти самыя «свойства привязываютъ къ нимъ твою «душу, сердце, мысли и волю.» Спокоенъ будучи духомъ и не опасаясь видѣть бѣдствія человѣческія, поражающія чувствительнѣйшую душу, радость возсіяла на моемъ лицѣ и привела въ удивленіе Мусульманина, принимавшаго живѣйшее участіе въ моемъ положеніи. Въ одинъ день

замѣтивши необыкновенную во мнѣ перемѣну, онъ тихо, какъ будто не желая нарушить моего спокойствія, сказалъ мнѣ: Странникъ! ты совершенно измѣнился. Я не вижу болѣе на лицѣ твоемъ впалыхъ и блѣдныхъ щекъ, которыя невольно приводили меня въ изумленіе. Какъ я радъ, что душа твоя воспріяла бодрость и унылость съ мрачнаго твоего лица изчезла въ спокойномъ моемъ уединеніи. Привѣтливость эта вновь ожитворила мои силы, и я молча благодарилъ добродушнаго Магометанина за его ко мнѣ вниманіе. Собравшись въ путь, хотѣлъ было съ нимъ проститься, но онъ однимъ ласковымъ взоромъ остановилъ меня, сказавши: погоди, кунакъ, погоди, не торопись, еще успѣешь доѣхать до своей родины. Побудь у меня дня 3, поѣдемъ теперь на сговоръ и отпразднуемъ свадьбу у моего добраго пріятеля.

Одѣтый въ праздничное платье старикъ приказалъ младшему своему сыну подвести намъ по верховой лошади. Мы сѣли и поскакали въ аулъ не болѣе верстъ 15-ть. На дорогѣ старался я завести разговоръ о ихъ сговорахъ и свадьбахъ, но онъ, въ задумчивости, сказалъ мнѣ отрывисто: Не торопись, кунакъ, ты слушай только и вникай въ разговоръ мой съ кунавомъ, къ которому мы, съ помощію Аллы скоро при-

ѣдемъ, тогда узнаешъ и обыкновенія наши о сговорахъ и свадьбахъ.

Спустя нѣсколько минутъ, не успѣли мы еще подъѣхать къ аулу, какъ два молодые татарина выбѣжали изъ кибитки, и взявши подъ уздцы нашихъ лошадей, отвели ихъ въ поле на пастьбу. Вошедшаго со мною въ кибитку кунака принялъ съ вѣжливостію татаринъ, лѣтъ 50, сурьёзный, но довольно обходительный. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, распросовъ о здоровьѣ его семейства, кунакъ мой началъ спрашивать о мнѣніи его на счетъ дочери. «Такъ, отвѣчалъ ему его пріятель: «сынъ твой мнѣ понравился, Фатима от«даетъ ему охотно свою руку и сердце. »Это давно бы было кончено, когда бы ты «не жалѣлъ заплатить мнѣ настоящій ка«лымъ; 200 рублей серебра для тебя, кажется, ничего не значутъ.» — Какъ скоро отецъ невѣсты окончилъ рѣчь свою, кунакъ мой вынулъ изъ кармана деньги и отсчиталъ ему до послѣдняго рубля. Получивши назначенную цѣну за дочь, сватушка приказалъ сыну своему сходить въ кибитку матери и сестры и сказать имъ, что бы они приготовлялись къ свадьбѣ; а пріятель мой послалъ въ аулъ нарочитаго наѣздника оповѣстить жену свою, сына и дочерей для пріѣзда къ нему. Чрезъ три часа на чет-

вертой на двуконной арбѣ пріѣхало все его семейство, изъ котораго сынъ, вошедши въ кибитку, благодарилъ тестя за выполненіе его обѣщанія. Не прошло часа, какъ вдругъ услышали мы въ кибиткѣ татарскую музыку. Она состояла изъ балалайки и турецкаго бубна. Изъ вѣжливости и уваженія къ добросердечію ихъ, я долженъ былъ вооружиться большимъ терпѣніемъ противъ утомительной гармоніи татарскаго оркестра. Надѣясь, что этотъ недостатокъ замѣнятъ они пріятнымъ обхожденіемъ въ бесѣдѣ, я ожидалъ послѣдствія начатой ими свадьбы.

Вскорѣ взошло къ намъ нѣсколько Нагайцевъ въ праздничномъ платьѣ, и съ ними въ особомъ одѣяніи довольно толстый, плотной и здоровой Магометанинъ. Красное его лице и надутливая важность подали мнѣ поводъ думать, что этотъ человѣкъ былъ не другой кто, какъ Мулла. Почесть, оказанная ему при входѣ хозяиномъ и посѣтителями, оправдала мою догадку. Онъ, по приглашенію хозяина занялъ первое мѣсто, вынулъ изъ кармана книжку и началъ шептомъ читать ее. Всѣ преклонили къ нему свой слухъ и въ глубокомъ молчаніи ожидали его провозглашенія, на которое вскрикивали: Аллахъ-гу! и клали земные поклоны. Наконецъ, благо-

честивый мужъ, закрывши алкоранъ, положилъ его за пазуху, а Магометане, подходя къ нему съ колѣнопреклоненіемъ, касались подлѣ его ногъ правою рукою, въ знакъ почтенія и благоговѣнія къ тѣмъ молитвамъ, которыя имъ были произнесены.

Полагая, что процессія эта имѣетъ свое начало, а не конецъ, я не ошибся въ своемъ мнѣніи, и вдругъ долженъ былъ слѣдовать за Магометанами, пошедшими съ Муллою въ невѣстину кибитку (*), которая величиною была въ двое противу занимаемой мною у хозяина. Въ ней увидѣли мы богатоубранную невѣсту, мать, родственниковъ ея и жениха, сидящихъ въ кружкѣ. Они съ вѣжливостію и почтеніемъ приподнявшись на ноги поклонились Муллѣ, а родные посадили его среди невѣсты и жениха. Духовный отецъ, съ пріятною улыбкою посмотрѣвъ на вступающихъ въ бракъ, соединилъ ихъ руки и, прочитавъ надъ ними молитву велѣлъ сѣсть новобрачной подлѣ ея любезнаго, которой съ нѣжностію обнявъ ее осыпалъ пламенными поцѣлуями, а прижавъ крѣпко къ груди своей произвелъ на ея стыдливомъ лицѣ

(*) Для женскаго пола и маленькихъ дѣтей Нагайцы имѣютъ особыя кибитки, превозвышающія величиною вдвое противу занимаемыхъ мущинами.

блѣднорозовый румянецъ. Юная дѣва, по обыкновенію ихъ была отведена ея любезнымъ въ особый уголъ, занавѣшенный каленкоромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ позволеніемъ новобрачные пользуются для однихъ любовныхъ переговоровъ.

Между тѣмъ Мулла со всѣми ихъ родственниками и посѣтителями принялся за приготовленную яству и даже за попойку вина. Съ его благословенія началась пирушка, которая въ дружескихъ разговорахъ продолжалась почти до вечера. Передъ захожденіемъ солнца родные жениха, невѣсту и приданое ея повезли въ свой аулъ. Вслѣдъ за нею посѣтили ее отецъ, мать и всѣ родственники.

Когда я возвратился съ своимъ кунакомъ въ его жилище, то замѣтилъ, что новобрачные препровели всю ночь въ особой кибиткѣ. Утромъ посѣщали ихъ знакомые пріятели и даже родственники. Привѣтствія эти продолжались почти цѣлую недѣлю, впродолженіе которой навезли имъ въ подарокъ ягнятъ, маленькихъ верблюдовъ, телушекъ, бычковъ и жеребятъ (*).

(*) Когда я спросилъ моего кунака, для чего дарятъ новобрачныхъ маленькими животными, а не большими, то онъ отвѣчалъ мнѣ шептомъ: Это для того, что бы новобрачные сами старались пролитывать малютокъ и разводили ихъ посте-

Съ особеннымъ удовольствіемъ препровелъ я нѣсколько недѣль у гостепріимнаго татарина, и желая удовлетворить любопытство свое новыми предметами, съ сокрушеннымъ сердцемъ простился съ нимъ и добрымъ его семействомъ, которое съ томительнымъ принужденіемъ выпустило меня изъ объятій своихъ. При прощаніи я въ такое приведенъ былъ уныніе, какъ будто что потерялъ любезное сердцу и восхитительное душѣ. Сѣвши рано утромъ на своего бодраго азіятскаго коня, въ послѣдній разъ подалъ я почтенному старцу руку и горько заплакалъ.

Старшій сынъ его Али, чувствуя истинное мое къ нему расположеніе, тотчасъ осѣдлалъ лошадь и рѣшился сдѣлаться проводникомъ моимъ верстъ на 30-ть. Добрые люди вслѣдъ кричали мнѣ: Прощай, кунакъ! будь здоровъ! да спасетъ тебя Алла на пути своемъ. Можно ли безъ восхищенія чувствовать примѣрное расположеніе Магометанъ, почитаемыхъ Европейцами за полудикихъ народовъ? Нѣтъ, ихъ добродушіе никогда не истребится изъ признательнаго моего сердца.

пенно для увеличенія своего богатства.—Мысль прекрасная и въ собственномъ значеніи имѣетъ благовидную цѣль.

Простосердечное обхожденіе Али нѣсколько успокоило меня на дорогѣ. Я ѣхалъ съ нимъ медленно и не желалъ бы никогда разстаться, почувствовавъ къ нему особую привязанность. — Чрезъ три часа пріѣхали мы къ аулу, которой былъ въ 7-ми верстахъ отъ Тараканбугорской почтовой станціи. Вошедши въ кибитку къ пріятелю его отца, мы обрѣли такое же гостепріимство, какимъ почтилъ меня семидесятилѣтній старецъ. Четырнадцать человѣкъ, сидѣвшихъ у Магометанина, праздновали въ тотъ день имянины его и рожденіе. Хозяинъ угощалъ ихъ калмыцкимъ чаемъ, кумысомъ и разнымъ азіятскимъ кушаньемъ, приготовленнымъ въ избыткѣ. Всѣ посѣтители были сыты, веселы, разговорчивы и до того разкуражены, что по очереди проплясали подъ балалайку. Я было хотѣлъ сдѣлать подарокъ имянинику, но онъ учтиво отозвался, что въ этотъ день, по ихъ обыкновенію, предосудительно принимать гостинцы отъ проѣзжихъ.

Распростившись съ привѣтливымъ хозяиномъ и веселою его компаніею думалъ доѣхать до станціи безъ проводника, но чувствительный Али, узнавъ отъ кунака о кончинѣ своего родственника, упросилъ меня заѣхать къ его семейству. Аулъ этотъ находился въ сторонѣ на полчаса ѣзды. По

пріѣздѣ къ нему, мы взошли въ большую кибитку и увидѣли что родственники Али приготовлялись обмывать тѣло его дяди. Проводникъ мой при видѣ на него заплакалъ, и я, тронутый его печалію, едва удержался отъ слезъ. Умершаго обмыли холодною водою, одѣли въ чистое бѣлье и довольно опрятное платье; на ноги взпялили сафьянные сапоги, а на голову шапку и завертѣли ее длиннымъ полотенцемъ, на подобіе чалмы. Напослѣдокъ пригласили Муллу, которой вычиталъ надъ нимъ изъ алкорана нѣсколько молитвъ, а тамада, съ разрѣшенія Пристава, далъ дозволеніе похоронить его. Сынъ покойнаго запрегъ двѣ одноконныя арбы, на одну изъ нихъ положили умершаго, а на другой всё семейство отправилось на кладбище. Я изъ зюбопытства слѣдовалъ за ними. Спустя четверть часа въѣхали мы на высокій курганъ, усыпанной могилками. Надъ каждою былъ поставленъ четырёугольной, вышиною до 3-хъ саженъ столбъ. Они были безъ надписей и служили признаками похороненныхъ. Въ концѣ этого кургана два человѣка закричали намъ по татарски, что бы мы подъѣхали къ нимъ ближе. Въ ту же минуту мы пододвинулись и остановились возлѣ ихъ. Я слѣзши съ лошади, привязалъ ее къ колесу арбы, и пошелъ посмотрѣть эту печальную процессію.

Могила была вырыта въ 3 аршина глубины, на поверхности въ аршинъ длины и ширины; внутреннія стѣны ея обложили татары камышемъ, а снаружи у одного конца оставили узенькой проходъ. Они по просьбѣ родныхъ сняли покойника съ арбы и, донесши его до прохода, спустили въ могилу и поставили стоймя, лицемъ къ востоку. Потомъ сдѣлали изъ камыша вокругъ могилы, вышиною до 3-хъ аршинъ, загородку (*) и обсыпали ее землею. — Во кругъ этой насыпи, родственники умершаго, постлавши на землю чистыя полости, сѣли на нихъ и, поджавши ноги, съ благоговѣніемъ произносили молитвы около часа. Напослѣдокъ въ знакъ прощанія преклонили они головы къ землѣ и вставши съ прискорбіемъ возвратились въ аулъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, который обнявъ меня дружески, простился со мною, какъ пламенный любовникъ съ милымъ его сердцу предметомъ.

Я до захожденія солнца успѣлъ еще доѣхать до Тараканбугорской почтовой станціи, въ которой переночевавъ у Стан-

(*) Эта ограда всегда устроивается кочевыми народами для сохраненія тѣла отъ хищныхъ звѣрей потому, что на кладбищахъ ихъ никогда не бываетъ караульныхъ. Спустя двѣ недѣли, они ее снимаютъ и засыпаютъ могилу землею.

ціоннаго смотрителя на другой день отправился къ рѣкѣ Кумѣ; возлѣ ея заѣхалъ въ аулъ и познакомился съ Нагайскимъ приставомъ. Здѣсь открылся мнѣ случай по наблюденіямъ своимъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Въ цѣлой ордѣ малѣйшая часть обоего пола, при перекочеванье съ одного мѣста на другое отъ перемѣнной воды подвергается горячкамъ и лихорадкамъ. Отъ этихъ болѣзней Нагайцы пользуются чтеніемъ молитвъ изъ алкорана; а часто семейство татарина приглашаетъ чародѣя или чародѣйку сдѣлать надъ больнымъ какой нибудь странный заговоръ. Смѣшно видѣть, какъ они вспрыскиваютъ лице страждущаго холодною водою, смѣшанною съ солью, или привязывая на шеѣ тряпичку, пошепчутъ надъ нею и воображаютъ себѣ, что эти средства искореняютъ недуги; но это предубѣжденіе такъ сильно дѣйствуетъ на ихъ умы, что они никогда несоглашаются принимать лекарства нашихъ медиковъ и даже невѣрятъ пособіямъ ихъ. Впрочемъ, воздержная жизнь никогда не допускаетъ ихъ до опасныхъ болѣзней, существующихъ въ другихъ націяхъ. Младенцамъ прививаютъ оспу, накалывая иглами на плечѣ или рукѣ кружокъ, величиною въ полвершка. Не имѣютъ обыкновенія пеленать ихъ, да-

вать имъ соску или рожокъ съ молокомъ, и до трехъ даже лѣтъ матери пропитываютъ ихъ своею грудью.

По удостовѣренію Пристава, изъ числа 60,000 кочеваго народа ежегодно умираетъ не болѣе 800 душъ, а родится около 2000; а потому перевѣсъ новорожденныхъ составляетъ 1200. Бракомъ сочетается близь 500 паръ, т. е. 1000 человѣкъ.

Относительно народной физіогноміи, по первому взгляду на Нагайцевъ примѣтно въ ихъ чертахъ лица большое противу прочихъ азіятцевъ разнообразіе. Продолговатое сухощавое лице, орлиный носъ, узкій подбородокъ и возвышенный лобъ служитъ тому доказательствомъ. Росту они по большей части средняго, тѣлосложенія сухощаваго. Цвѣтъ кожи ихъ оливковый. Нѣкоторые имѣютъ признаки разноплеменности, на примѣръ: похожи нѣсколько на Монголовъ; широколицы, съ плюснувшимся носомъ, одутливыми щеками и широкоплечи; полнокровны, а отъ того самаго не развязны и даже непозоротливы во многихъ занятіяхъ. Женщины по этимъ же признакамъ почти во всемъ одинаковы. Дѣти ихъ обоего пола имѣютъ отпечатокъ лица родителей. Нѣтъ сомнѣнія, что строгое соблюденіе супружескихъ обѣтовъ вознаграждаетъ ихъ плодъ любви этимъ неоцѣненнымъ даромъ, про-

тиву сладострастно порочныхъ людей, теряющихъ свое подобіе въ ихъ отрасляхъ.

Всѣ вообще мущины носятъ одежду горскаго и собственнаго издѣлія, т. е. шерстяные валяные зипуны и бешмети, подбитыя ватою. Бритая ихъ голова всегда покрыта папахомъ. Нижнее платье у нихъ изъ валеной верблюжей шерсти; на ноги надѣваютъ легкіе чирички (башмаки), а иногда и сапоги. На ременномъ поясѣ висячій въ ножнахъ азіятской ножъ, служитъ имъ для всѣхъ работъ и вмѣсто столоваго, употребляемаго Европейцами; черкесская бурка и башлыкъ отъ дождя, ружье, кинжалъ, шашка и арканъ для одержанія побѣды надъ непріятелемъ.

Жены ихъ и дочери по общепринятому обыкновенію рѣдко показываются пріѣзжимъ. Онѣ живутъ въ особыхъ кибиткахъ и съ мальчиками посылаютъ готовое кушанье къ мужьямъ своимъ и роднымъ, когда они бесѣдуютъ съ гостями. Одежда ихъ во всёмъ нохожа на мужскую, исключая только то, что сверхъ шапки, женщины имѣютъ тонкія кисейныя для закрытія лица покрывала, а дѣвицы тонкозаплетенныя косы; на шеѣ, унизанныя на лентѣ золотыя и серебреныя разнаго штемпеля деньги, а въ одной ноздрѣ продѣтую сережку.

Языкъ ихъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Персидскимъ, которое, въ отношеніи къ вещественнымъ и отвлеченнымъ предметамъ, обнаруживаетъ въ выраженіяхъ и значеніяхъ смѣшанность. Пишутъ отъ правой руки къ лѣвой. Не имѣютъ ни грамматики, ни теоріи литературы. Пристрастны до пѣсенъ, а болѣе до арабскихъ сказокъ. Въ послѣднюю ночь у Пристава, я слышалъ лично одного татарскаго сказошника и нѣсколько часовъ восхищался ясностію его разсказа о смѣшныхъ и довольно остроумныхъ предметахъ. На другой день простился съ начальникомъ Нагайскаго аула, и въ 8-мь часовъ утра, переѣхавъ рѣку Куму, въѣхалъ во владѣніе кочующихъ Калмыковъ.

Конецъ 2-го Отдѣленія.